

подтвердить свою ценность для общества, вступив с ним в более тесный контакт. Если раньше вузы постоянно подвергались в прессе неустанной критике, то в условиях пандемии СМИ наконец стали давать слово ученым и подчеркивать роль науки в решении ключевых общественных проблем, например в борьбе с новым вирусом. Государственные вузы отвечают за 95% всей науки в стране, и их голоса должны быть слышны, чтобы хоть как-то уравновесить распространяемые администрацией Болсонару утверждения о том, что коронавирус не представляет никакой серьезной проблемы, а «наука — это все выдумки». Попытки властей заткнуть ученых рот и взять университеты под контроль не только ставят под удар демократию, развитие и социальное благополучие всей страны, но и дискредитируют все успехи, достигнутые благодаря укреплению автономии вузов и академической свободы во всем мире.

Французские университеты и международные рейтинги

Людовик Хаймен

Людовик Хаймен — доцент Международного центра по управлению высшим образованием при Школе менеджмента Университета Бата, научный сотрудник отделения наук об образовании Оксфордского университета (Великобритания). E-mail: lah26@bath.ac.uk.

Французская система высшего образования — особая в своем роде; ее называют раздробленной, стратифицированной, неоднородной. Последние пару десятилетий Франция занимается рационализацией своей системы высшего образования из-за того, что вузы не оправдали общественных ожиданий и не блещут в международных рейтингах. Чтобы исправить положение, государство запустило реформы, направленные на преодоление разрыва между *grandes écoles* и университетами, а также на то, чтобы возродить былую славу старых университетов. Чтобы понять, почему Франции оказалось так сложно создать сильные университеты и почему сама эта идея долгое время казалась французским политикам и ученым чуждой, нужно для начала ненадолго погрузиться в историю.

От республики факультетов к республике университетов?

Великая французская революция привела к ликвидации всех существовавших в стране университетов, многие из которых были созданы по воле Папы Римского (включая Университет Монпелье, основанный в 1289 году, Университет Гренобля, основанный в 1339 году, и т.д.). В 1806 году вместо них был создан единый централизованный национальный институт, известный как Императорский университет, или Университет Франции, или просто *l'Université*. Он подчинялся великому магистру, или министру по делам факультетов, который обладал заметной властью над вновь созданными факультетами (включая факультеты теологии, права, медицины, гуманитарных и естественных наук). Все эти факультеты развивались независимо друг от друга, и единственным объединяющим фактором было то, что все они находились под эгидой Университета Франции.

Параллельно с этим были созданы *grandes écoles*, целью которых была подготовка требовавшихся стране профессионалов практических специальностей — инженеров, военных. Так появился новый тип институтов, через которые прошла большая доля представителей французской элиты, что отличает Францию от других европейских стран, где подготовка элит шла в университетском секторе. Несмотря на создание Берлинского университета в 1810 году, гумбольдтовская модель не вызвала во Франции интереса. Объединение располагавшихся в одном городе отдельных факультетов в единое учебное заведение началось во Франции лишь в 1896 году. Впрочем, ущерб высшему образованию уже был нанесен: деканы в силу своей влияния могли задавать факультетам такую динамику, которая была способна задавить любую централизованную инициативу университетского уровня, что привело к формированию так называемой республики факультетов.

В 1968 году под влиянием французских профессоров и ученых, восхищавшихся американской моделью высшего образования, был принят так называемый закон Фора (*loi Faure*), изначальной задачей которого было создание автономных многопрофильных исследовательских университетов, которые бы сами отвечали за административные вопросы, бюджетирование и свою образовательную программу. Но преодолеть традиции, сложившиеся в условиях республики факультетов, оказалось чрезвычайно сложно, хотя правительству и удалось добиться некоторых успехов в создании многопрофильных университетов в малых и средних городах. В крупных же городах (включая столицу) разорвать давно сложившиеся дисциплинарные и политические альянсы не удалось, что привело к созданию «университетов» вокруг одного-двух связанных между собой дисциплинарных направлений — иными словами, вокруг бывших факультетов.

Стимул к реформам

Публикация в 2003 году первого мирового рейтинга университетов, а именно ARWU (он же Шанхайский рейтинг), привела к явлению, ставшему во Франции известным под названием «шанхайский удар». Все пришли в глубокое замешательство из-за довольно низких результатов французских вузов. Представители элит были особенно потрясены плохими результатами своих родных вузов — престижных *grandes écoles*, многие из которых оказались в рейтинге даже ниже университетов. Стало понятно, что результаты рейтингов отрицательно сказываются на привлекательности французского высшего образования и препятствуют повышению конкурентоспособности французской инновационной экономики.

Поначалу истеблишмент вообще не понимал, как узкоспециализированные университеты могли бы выиграть от слияний с целью создания многопрофильных учебных заведений, настолько глубоко укоренилось разделение дисциплин в умах представителей академического сообщества (и студентов). И все это происходило на фоне отсутствия интереса со стороны правящих элит, большинство представителей которых — выпускники *grandes écoles*. Тем не менее распространение рейтингов и рост популярности новой глобальной модели (EGM) исследовательского университета положили конец царившему ранее безразличию, в результате чего представителям французского академического сообщества и руководству вузов пришлось пересмотреть свои прежние представления.

Поддерживая «лучших»: программы повышения качества

Стартовавшая в 2010 году «Инициатива по повышению качества (IDEX)», нацеленная на развитие в стране 5–10 университетов мирового класса, привела к глубинным структурным изменениям и оказалась гораздо эффективнее предшествовавшей инициативы Plan Campus, хотя бы благодаря огромному бюджету и целенаправленным мерам по дифференциации университетского сектора. Новая инициатива ознаменовала заметное отступление от старого политического курса, отрицавшего наличие каких бы то ни было различий между вузами с точки зрения их статуса и качества или даже различий внутри отдельных формальных категорий вузов. Традиционно довольно «плоская» структура французского университетского сектора приготовилась к серьезной вертикальной дифференциации. Участия в престижной программе IDEX удостоились 10 университетов и консорциумов, расположенных в Бордо, Гренобле, Лионе, Ницце, Париже, Страсбурге, а также в Экс-ан-Провансе и Марселе, благодаря чему эти вузы получили разрешение правительства позиционировать себя как ведущие исследовательские университеты Франции.

Предполагалось, что инициатива IDEX даст необходимый толчок к завершению запущенных ранее

процессов по структурной консолидации сектора (в 2007 году были созданы образовательные центры, которые тогда назывались «узловыми точками науки и высшего образования» — по-французски *rôles de recherche et d'enseignement supérieur* (сокращенно PRES). В 2013 году они были упразднены, а им на смену пришли *communautés d'universités et établissements* (сокращенно COMUE) — «консорциумы университетов и вузов»). В рамках новой программы идет укрепление крупных многопрофильных исследовательских центров — либо путем слияния *grandes écoles* с университетами, либо путем объединения узкоспециализированных университетов, расположенных в одном и том же городе. В результате одного из крупнейших слияний, которое завершилось в 2019 году, был создан Университет Париж-Сакле, сразу занявший 14-е место в мире (рейтинг ARWU за 2020 год); Университет Париж Сьянс Леттр (PSL) и Сорбонна сумели войти в топ-40 того же рейтинга, а Парижский университет и Университет Гренобль-Альпы — в верхнюю сотню.

В результате одного из крупнейших слияний, которое завершилось в 2019 году, был создан Университет Париж-Сакле, сразу занявший 14-е место в мире.

Заключение

Если учитывать такую травматичную историю, становится понятно, почему французским университетам трудно самостоятельно встать на ноги. Французская система высшего образования достаточно пострадала из-за своего провинциализма и самопровозглашенного разделения на, с одной стороны, крупные университеты, принимающие без конкурса и обслуживающие большинство студентов, а с другой — маленькие, предоставляющие элитное профессиональное образование и тщательно отбирающие абитуриентов *grandes écoles*, чьи выпускники впоследствии занимают ключевые должности как в государственном, так и в частном секторе.

Нет ничего странного в том, что наиболее высоких мест в международных рейтингах добились те французские университеты, которым удалось преодолеть характерную для французской системы высшего образования раздробленность и которые вобрали в себя все лучшее от обеих сторон, то есть и от университетского сектора, и от *grandes écoles*. Не стоит думать, что

качество французских вузов вдруг как-то резко возросло — оно всегда было высоким. Просто несколькими сменявшим друг друга правительствам наконец удалось провести реформу системы высшего образования таким образом, чтобы она стала лучше вписываться в глобальную систему и смогла подстроиться под общепринятые нормы и концепции, связанные с университетами мирового класса и набирающей все большую популярность EGM.

Нам еще только предстоит увидеть последствия этой вертикальной стратификации, в частности посмотреть, как она повлияет на доступность высшего образования и на поведение абитуриентов. Реабилитация университета как ведущей формы организации высшего образования и науки, существующей за счет государства, говорит о том, что власти Франции и высшее руководство французских вузов наконец признали ставшие мировыми стандартами организации университетов, в основу которых легла гумбольдтовская модель и EGM.

Нирвана еще не наступила: последствия американских выборов для международного высшего образования

Филип Альтбах и Ханс де Вит

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Ханс де Вит — заслуженный профессор и заслуженный член Центра.
E-mail: dewit@bc.edu.*

Многие в мире высшего образования, причем не только в США, счастливы, что Дональд Трамп скоро сложит свои полномочия. Его уход повлечет за собой скорее положительные изменения не только для США, но и для международного высшего образования в целом. Но не стоит думать, что с трампизмом на этом покончено. Популизм и национализм, примером которых служила политика Трампа, остаются частью

американских реалий, равно как и реалий многих других стран. Противостояние между антиинтернационалистами, противниками иммиграции и людьми, отрицающими изменения климата, с одной стороны и сторонниками международного сотрудничества как одного из ключевых инструментов решения проблем локального и глобального масштаба с другой стороны сейчас обострилось как никогда, и не только в США, но и в остальном мире.

Быстрые перемены

Конечно, американское академическое сообщество продолжало поддерживать международные связи и во время президентства Трампа, но его заявления и политика его администрации оказали огромное негативное воздействие на высшее образование.

Среди принятых Трампом мер, которые наверняка скоро получат обратный ход, — ограничения на выдачу виз, некоторые элементы запрета на въезд мусульман, ограничения срока действия студенческих виз, строгие правила выдачи разрешений типа OPT и виз типа H-1B и т.д. Наверняка вернутся прежние подходы к найму постдоков. Иностранцам, окончившим американские вузы, станет легче получить грин-карту. Будет возобновлена программа DACA («Отложенные меры в отношении детей-иммигрантов»), которая пусть и не затрагивает международное высшее образование напрямую, но обеспечит защиту 643 тысячам иммигрантов. Больше ничего не угрожает программам обмена типа Фулбрайта, финансирование которой было сокращено и само существование которой оказалось под вопросом. Хочется надеяться, что представители различных партий наконец перестанут политизировать вопросы, связанные с международными инициативами.

В целом государственная политика США в сфере международного высшего образования, скорее всего, вернется к нормам дотрамповских времен. Но из-за продолжающейся пандемии COVID-19 и связанных с ней финансовых и экономических трудностей ожидать запуска новых инициатив не стоит. Учитывая решительные заявления избранного вице-президента Камалы Харрис, можно рассчитывать, что такие темы, как расизм и неравенство в высшем образовании, в частности в сфере обучения за рубежом и управления международными студенческими потоками, снова привлекут к себе внимание. Однако решить эти проблемы будет непросто в силу их системного характера.

Тенденции

В целом вступление в должность президента Байдена ознаменует для США существенную смену тона и сдвиг в сторону укрепления международного сотрудничества в сфере науки и образования, а также будет способствовать пересмотру драконовских мер, от которых пострадали иностранные студенты и ученые и международные связи. Впрочем, можно только